

Раздел V.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 141.1

А. С. Заморев

ДОКТРИНА КЛУБА «DI@GEN»: ЧАСТЬ I. ТРИ ОБЩЕФИЛОСОФСКИХ ПРИНЦИПА КАК ОСНОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Логико-философский клуб «Di@gen» – это свободное сообщество людей, увлекающихся *классической диалектикой*, т.е. искусством ведения философских бесед по Сократовскому методу. Клуб был основан 11 ноября 2009 года доцентом А. С. Заморевым при кафедре философии ПИМаш (*Санкт-Петербургский институт машиностроения (ВТУЗ-ЛМЗ - ПИМаш)*), а теперь успешно продолжает свое Дело на кафедре философии Санкт-Петербургского политехнического университета (СПбПУ), с той же целью, с которой некогда был основан Сократовский кружок.

Эта цель включает в себя три момента:

1) нравственное воспитание духовно одаренной молодежи с высоким уровнем гражданского самознания, в совершенстве владеющей диалектическим методом ведения дискуссионной практики и способной применять его для решения самых разных социальных проблем.

2) развитие Сократовского метода, точнее, той новой его формы, которая была бы более приспособлена к психологии современного человека, т.е. отвечала бы на все те вопросы и возражения, что обычно выдвигаются против этого метода в наше время.

3) создание пусть небольшой, но устойчивой популяции людей, способных превратить со временем клуб «Di@gen» в организованную сеть подобных клубов по всей стране, а Доктрину клуба применять как программу нравственного возрождения отечественной культуры.

Центральная проблема воспитания, как известно, не в том, что люди злы и не воспитаны, а в том, что *понятия о добре и зле у них различаются*.

Поэтому более эффективным методом воспитания является тот, который лучше способствует *снятию разногласий по вопросам морали*.

Именно этим ценен Сократовский метод, именуемый также диалектическим. Изначально словом «*dialektika*» называли *искусство ведения диалогов*. Но позднее им стали называть и особое направление теоретической философии, к которому Сократ также прибегал для объяснения своей дискуссионной практики. Поэтому и мы начнем с того, что различим два основных вида диалектики: практическую и теоретическую.

1. Диалектика практическая – это *особый метод аргументации*, а именно: искусство задавать вопросы таким образом, чтобы опровергать мнение противника только его же собственными ответами.

Изобретателем диалектики считается Зенон из Элеи. Но сегодня этот метод называют не Зеноновским, а Сократовским, поскольку именно Сократ положил его в основу нравственной философии и первым потребовал различать в этом деле два возможных подхода:

1) софистический подход, популярный у ранних диалектиков, именовавшихся *софистами* (Протагор, Горгий, Продик и др.), опирался на одно условие: софисты запрещали своим собеседникам требовать уточнения к форме вопросов и вносить поправки к данным ответам.

Это позволяло успешно запутывать собеседника двусмысленными вопросами, а потом ловить его на случайных оговорках и неточностях, делая из них заведомо ложные выводы.

В судах этот метод и ныне часто используется юристами. Однако ни убедительной силы, ни, тем более, нравственной ценности он не имеет.

2) сократический подход, напротив, нацелен на очищение диалектики от этих злоупотреблений, а потому состоит в отрицании данного условия: если ответчику начинало казаться, что его запутывают, истинные диалектики (Зенон, Сократ, Платон и др.) разрешали ему вносить любые уточнения к вопросам и любые поправки к данным ответам.

Проблема 1. Но как подвести противника к признанию ошибки, если ему разрешают *отвечать как угодно*? Для этого и нужна была особая диалектическая теория, которая позволяла бы все возможные ответы заранее сводить к выбору одного из двух: или противник откажется от ошибочных мнений, или *сам* назначит за них такую цену, которую не сможет заплатить.

2. Диалектика теоретическая – это учение о единстве и борьбе противоположностей, т.е. о том, как и при каких условиях противоречащие друг другу признаки совмещаются в одном и том же предмете.

Создателем этого учения считается Гераклит из Эфеса, который трактовал его в духе *релятивизма*: «Море, – говорит, – вода чистейшая и грязнейшая: рыбам – питьевая и спасительная, людям – негодная для питья и губительная» [1, с. 206], – учил Гераклит. Этим примером он показывал, что любая вещь имеет противоречащие свойства потому, что *мыслится в разных отношениях*.

По сути, это значит, что *ни одно мнение также не является само по себе ни истинным, ни ложным, но каждое неизбежно оказывается в одном отношении ложным, а в другом истинным*.

Отсюда вывод: избежать поражения в споре может тот, кто знает границы применимости своих истин и точно указывает, в каком смысле тезис верен, а в каком нет. Поражение – удел тех, кто нарушает эти границы; кто *относительное* утверждает как *абсолютное*, а из двух враждебных тезисов один всегда объявляет *ложным*: «Они не понимают как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония), как лука и лиры» [1, с. 199], – говорил об этом Гераклит.

Но тогда возникает избитый вопрос: какое отношение эта релятивистская диалектика имеет к *нравственному воспитанию*? Ведь обычно люди связывают нравственность с верой в абсолютные ценности. Диалектика ставит их все под сомнение. Но взамен она дает *ценности, более, чем нравственные, и более, чем абсолютные*, ибо на них строится она сама.

Ценности клуба «Di@gen» – это три общефилософских принципа, из которых каждый неоднократно провозглашался в истории философии. Но полное их изложение впервые дано в трактате И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения», где они кратко упомянуты как «<...> максимы, ведущие к мудрости» [2, с. 1403]. Эти три принципа: *самостоятельность, последовательность и всеобщность*.

Все они выводятся из классического определения *мудрости как высшей цели философии*. И в этом смысле их «<...> можно сделать незыблемыми законами для класса мыслителей» [2, с. 1403], – считал И. Кант.

В самом деле: термин «philosophia», по-гречески, означает *любовь к мудрости*, т.е. *стремление к духовному совершенству*. Считается, что дух есть «<...> простая, неделимая, не состоящая из частей субстанция. Тем не менее, в нем <...> различают две способности: *рассудок* и *волю*» [3, с. 48], – учил Н. Мальбранш. Их суть такова:

1) *умственная способность*, именуемая *рассудком*, есть способность мыслить, рассуждать и создавать представления.

2) *нравственная способность*, иначе именуемая *волей*, есть способность самостоятельно выбирать цели и действовать согласно с ними.

Таким образом, *дух* как единство рассудка и воли означает, прежде всего, *способность мыслить самостоятельно*. И отсюда, по И. Канту, первый общефилософский принцип:

1. Самостоятельность – это требование *думать самому*, т.е. всегда иметь свое мнение и нести за него личную ответственность.

Ключевое слово здесь «ответственность», так как в остальном выбор собственного мнения для нас просто *неизбежен*. Ведь даже если кто полагает, что принял решение *не сам, но по совету другого*, картина не меняется, поскольку «<...> выбрать советчика – это опять-таки решиться на что-то самому» [4, с. 330], – учил Ж.-П. Сартр.

Мало того: по зрелом рассуждении, *самостоятельность* оказывается *мерой всякой правильности* (и логической, в смысле истины, и этической, в смысле добра). Ведь «правильностью» называют *соответствие с правилами*. А кто установил нам правила, если *не мы сами*?

Ответ 1. Фидеисты говорят, что их правила устанавливает Бог; и, если разумного обоснования эти правила не имеют, подчиняться им нужно не рассуждая, а просто *веря* в их непререкаемость. Беда в том, что разных вер много. Принцип *credo quia absurdum* не снимает вопроса: «Неужели я обязан верить любому абсурдному утверждению? А если не любому, то почему именно этому?» [4, с. 117], – пишет З. Фрейд.

Очевидно, что при отсутствии разумного обоснования любой верующий просто вынужден выбирать Бога *произвольно и самостоятельно*. И подчиняется он только своему выбору, как это делает и любой вольнодумец. По какому же праву он свой выбор считает верным для *всех*?

Ответ 2. Рационалисты пытаются ответить на это при помощи логических доказательств. Но любое логическое доказательство строится на основе *аксиом*, которые сами, в свой черед, *не доказываются*. Кому-то они кажутся очевидными, кому-то нет. Но в обоих случаях они принимаются *на веру*, так что задача сводится к предыдущей.

Ответ 3. Эмпирики считают, что их правила основаны на фактах опыта. Но какого опыта? Того ли, который сегодня эти факты подтверждает? Или того, который завтра их, быть может, представит *обманами зрения*, как это вышло у Коперника с очевидным фактом вращения Солнца?

Допустим, Коперник открыл новые факты, противоречащие *мнимому факту вращения Солнца*. Но это не снимает вопроса: почему новые факты он счел истиной, а факт очевидный объявил «обманом зрения»? Почему *не наоборот*? Ведь правила отличения *истинных фактов от мнимых* сами не могут основываться *на фактах* (именно потому, что те бывают *мнимыми*). Значит, эти правила принимаются *a priori*.

Ответ 4. Прагматики из этого заключают, что как в науке, так и в морали, все правила доказываются не логически и не фактически, но только *мотивационно*, т.е. они всегда являются выражением стоящих перед нами *целей и задач, которые иногда меняются*. А вместе с ними меняются и правила, и понятия об истине. Такое случается и в науках, и в религиях.

Например: правила геометрии Эвклида так же отличаются от правил геометрии Лобачевского, как церковные правила в понимании католиков отличаются от правил, принятых православными. И если все дело *в наших целях и задачах*, как можно настаивать на какой-то «объективной правильности», не зависящей от нашего личного мнения?

Ответ 5. Конформисты это объясняют так: во всяком деле правильно то, что *сейчас признается таковым у большинства*. Но в клубе «Di@gen» им задают вопрос: а если *сейчас* большинство составит из таких людей, как мы (которые учат, что *всякое большинство может ошибаться*), такое большинство будет правым?

Многие отвечают «да». Это значит, что *всякое большинство может ошибаться*. Другие отвечают «нет». И тогда *ошибается данное большинство*. Но в обоих случаях, *иногда большинство ошибается*, а значит, критерием правильности оно само по себе никак быть не может.

Конформисты на это возразят, что подчиняться мнению большинства все равно *выгодно*, а значит, *правильно*, с точки зрения наших целей и задач (даже если само это большинство правым не является). Но тогда критерием правоты для конформистов оказывается не мнение большинства, а их собственные цели и задачи, что и требовалось доказать.

Ответ 6. Марксисты возражают, что критерием правильности служит практика, под которой понимается *целенаправленное, логически осмысленное преобразование фактически данной нам действительности*. На деле, однако, здесь просто соединяются перечисленные выше критерии: логический, фактический, мотивационный и т.д.

Но все они, как мы показываем, сводятся к *самостоятельному волевому решению о целях практики*. А это значит, что и о *правильности* «<...> рассудок не судит никогда, потому что он только представляет; <...> в действительности одна воля судит, утверждая и отвергая то, что представляет ей рассудок» [3, с. 48], – заключает Н. Мальбранш.

Ответ 7. Софисты все это поняли еще на заре философской истории. Что и выразили в своем главном положении: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих» [5, с. 375], – учил Протагор. И если Сократ что-то от софистов наследовал, так это *принцип самостоятельности как всеобщую меру правоты*.

Спрашивается: но если *каждый должен думать сам*, зачем тогда настаивать на соответствии суждения с объектом? И зачем вообще философия, если свое суждение итак имеет каждый?

Как верно заметил И. Кант, «<...> условие всех наших суждений вообще состоит в том, чтобы они не противоречили себе; в противном случае наши суждения сами по себе (и без отношения к объекту) не имеют никакого значения» [6, с. 122]. Отсюда второй принцип, объясняющий смысл философии:

2. Последовательность – это требование жить *в согласии с собой*, т.е. следовать своему мнению и ни в чем ему не противоречить.

Например: когда философ требует, чтобы наше суждение *соответствовало объекту*, он на деле подразумевает *соответствие какому-то другому нашему представлению об этом объекте*, т.е. под «истиной» всегда понимается *тотальная последовательность во мнениях*.

Проблема в том, что принцип последовательности столь же зависим от принципа самостоятельности, сколь и противоположен ему как антитезис:

1) с одной стороны, чтобы *следовать* какому-либо мнению, его сперва нужно *самостоятельно выбрать*. Поэтому тот, кто не признает за людьми права на самостоятельный выбор, уже не последователен.

2) с другой стороны, что значит: *следовать* своему мнению? Это значит: отрицать правильность любого мнения, которое противоречит данному. Поэтому тот, кто признает право на самостоятельность за своим идейным врагом, также не последователен.

В самом деле: чужая самостоятельность всегда опасна, ибо мы не знаем заранее, что выберет наш враг. Вдруг он поверит, будто некий Бог дал ему право нас убивать, грабить, попираť наши ценности. Кто готов допустить подобные действия? Допускаются пять ответов.

Ответ 1. Либералы требуют проявить *толерантность*, т.е. запретить людям *преступные действия*, но оставить полную *свободу вероисповедания*: мол, там в душе пусть верят во что угодно, лишь бы соблюдали законы.

В клубе «Di@gen» либералам задают всего один вопрос: как они это видят практически? Отнять у врага *право на действия*, но при этом разрешить ему *верить в наличие у него этого права*? Если да, то это вопиющая не последовательность. А если нет, то *все веры* придется запретить! Ведь каждая вера оправдывает какие-то действия, которые другими верами относятся к разряду безнравственных и преступных.

Например: христиане, оправдывая поедание свинины и несоблюдение субботы, преступали закон в глазах древних иудеев. А те, оправдывая распятие Христа, преступали закон в глазах христиан.

Ответ 2. Фидеисты во все времена неплохо это понимают. И потому, как правило, требуют *свободы только для своего собственного вероисповедания*. А на веры своих врагов мечтают наложить, *если не уголовный, то хотя бы моральный запрет*.

Но беда в том, что «<...> разумное существо было предназначено уже своей собственной природой как <...> законодательствующее в царстве целей» [7, с. 139], – учил И. Кант. Враг – разумное существо. И хотя *было бы нелепо даровать ему право на выбор собственного законодательства, но отказать ему в этом праве тоже нелепо*.

Ответ 3. Эмпирики видят в этой антиномии свидетельство того, что метафизические споры *о праве и о благе*, явно выходящие за пределы опыта, антинаучны, и нужно их прекратить: «О подобных вещах вообще трудно спорить. Я не способен поэтому доказать, что мои воззрения на благую жизнь верны, а могу только высказать их и надеяться, что многие люди с ними согласятся» [8, с. 71], – заявляет эмпирик Б. Рассел.

Но беда в том, что «многие люди» соглашались почти со всеми великими злодеями. И тот, кому не нравится *метафизическое решение вопросов о праве*, пусть не ропщет, если завтра «многие люди» придут к нему с оружием и станут *решать их физически*. Это не угроза, а всего лишь напоминание: метафизика обошлась бы нам дешевле.

Ответ 4. Милитаристы с этим не соглашаются и все вопросы о праве предпочитают решать именно силовыми методами. Но в клубе «Di@gen» мы спрашиваем их: готовы ли они на этом основании признавать себя *неправыми* всякий раз, когда их идейный враг окажется сильнее?

Если скажут «да», значит, *прамота у них всегда на стороне сильнейшего*. Но это мы опровергаем тем же методом, которым уже был опровергнут тезис о правоте большинства. А если скажут «нет», значит, *силовые методы в вопросах о праве неэффективны*, так как не гарантируют ни победы правым, ни поражения заблуждающимся.

Ответ 5. Рационалисты настаивают на том, что все вопросы о праве должны решаться логически. Но как, если логика доказывает, что свободу идейного врага нельзя ни признать, ни отвергнуть?

Выход один: *нужно вовсе не иметь идейных врагов*. А коль скоро они возникают, то надо, по возможности, сообразовываться с ними так, чтобы идейные позиции друг другу не противоречили. Иначе их внешнее противостояние неизбежно *обернется непоследовательностью*, т.е. *внутренним противоречием для обеих враждующих сторон*.

Но это есть уже «<...> принцип *широкого* образа мышления, сообразующегося с понятиями других» [2, с. 1403], – считает И. Кант. А значит, *синтез* первых двух принципов возможен только в третьем, который мы условимся называть всеобщностью.

Правда, сам И. Кант излагал этот принцип не третьим, а вторым по счету. Но мы изменили порядок принципов, исходя из их значения в Сократовском методе. Ибо суть этого метода в том, чтобы сперва взывать

к нашей *самостоятельности*, а затем от нее через принцип *последовательности* вести к пониманию третьего принципа всеобщности:

3. Всеобщность – это требование смотреть на вещи со всех мыслимых позиций и никогда не отрицать возможной правоты противника.

Но что это означает для нас практически?

На первый взгляд, кажется, что речь идет о чем-то вроде банального компромисса. На деле, однако, это недопустимо, если понимать под *компромиссом* то, что обычно под ним понимают, т.е. *взаимное отступление сторон от своих правил*. Отступление *от своих правил* непоследовательно. И если правила не меняются, любое исключение из них будет нарушением.

Поэтому принцип всеобщности требует разрешать идейные конфликты не путем компромисса, а именно путем согласования противоречащих позиций в смысле *их одновременной истинности*.

Классическая логика учит: два противоречащих суждения не бывают одновременно истинными *в одном и том же отношении*. Но легко могут оказаться таковыми *в разных отношениях*. Поэтому самая удобная трактовка всеобщности сводится к релятивизму: к учению, что *все относительно, и два противоречащих суждения одновременно истинны в разных отношениях*.

Спрашивается: но как подобное учение поможет избежать идейных конфликтов? Для ответа на этот вопрос необходимо различать два возможных подхода к пониманию релятивизма:

1) субъективный подход состоит в том, что положение, *истинное* для субъекта с одной системой критериев, бывает *ложным* для субъекта с другой системой критериев. Такой подход, конечно, *не ведет* к снятию разногласий. Ведь каждый из субъектов, поступая по своим критериям, творит зло и неправду в глазах другого.

«Толстой осуждал всякую войну; другие считали, что солдат, воюющий за правое дело, ведет весьма достойную жизнь. Вероятно, здесь налицо реальное различие в целях» [8, с. 71], – считает Б. Рассел. Но именно понятие о целях позволяет подойти к делу иначе.

2) объективный подход состоит в том, что мнение, *истинное* для одного субъекта, бывает *ложным* не только для другого, но и для данного, как только он попадает в условия, где его критерии окажутся

нецелесообразны. А это всегда может случиться с любой системой критериев.

Например: тезис « $1 + 1 = 10$ » в десятичной системе *всегда ложен*, а в двоичной системе Г. Лейбница *всегда верен*. Обе системы легко согласуются между собой. Но если на этом основании субъект предъявит данный тезис на рынке при подсчете денег, будут неприятности. Ведь рыночные торговцы не употребляют двоичного кода.

Отсюда вывод: враждебные тезисы имеют разные границы применимости. Пока эти границы соблюдаются, наши интересы не пересекутся, и нет основания для вражды.

Напротив: когда какой-то субъект *нарушит* эти границы, его мнение лишится даже относительной истинности. А значит, и всякой целесообразности. Но тогда практическая диалектика легко это выявит. Она же даст и ответ на ряд вопросов, возникающих в этой связи.

Вопрос 1. Скептики спрашивают: как доказать, что границы применимости тезисов объективны и одинаковы для всех? Допустим, что границы эти, напротив, субъективны, и каждый субъект способен устанавливать их для себя, как угодно. Тогда два враждующих субъекта вполне могут сделать их пересекающимися и вовсе несогласуемыми.

Но данное допущение несостоятельно именно потому, что интересы двух субъектов в этом случае пересекаются. Возникает вражда, имеющая только два исхода: или *конфликт*, или *компромисс*. И то, и другое, как мы уже выяснили, не очень последовательно.

Между тем, практическая диалектика стремится не только выявлять непоследовательность, но и устранять ее в ходе спора. Поэтому одно из двух: 1) или мы не сможем избежать противоречий, но тогда *ни один тезис даже относительной истиной не будет*; 2) или диалектика всегда сможет привести к установлению общих границ применимости для любой позиции.

Тому, кто утверждает первое, мы задаем вопрос: считает ли он *истинным* хотя бы этот свой тезис? Если «нет», это отказ от тезиса. А если «да», то тезис опровергается самим фактом его признания.

Поэтому выбираем второе: границы применимости наших тезисов едины и всеобщы. Можно считать их *объективными*, в том смысле, что ни один субъект не способен последовательно их отрицать.

Вопрос 2. Фидеисты спрашивают: но если наш релятивизм учит, что все истины относительны, не означает ли это, что *он сам* в каком-то отношении является ложным учением? И не окажутся ли в каком-то смысле правыми все те глубоко верующие люди, которые с ним не согласны и признают в этой жизни какие-то абсолютные истины?

Вопрос серьезный, но вполне разрешимый. Да, последовательный релятивизм действительно предполагает, что *в определенном отношении абсолютные истины существуют*. Но последнее означает, что этим истинам присуща лишь *относительная абсолютность*. И хотя это может показаться парадоксом, но в науке истин бывает всего два вида:

1) истины *абсолютно относительные*, каковыми являются все факты опыта и все теоремы, доказуемые логически. Ведь все они правильны *не сами по себе*, а только *в отношении* некоторой системы правил и определений, взятых нами за аксиомы.

2) истины *относительно абсолютные*, каковыми являются сами наши аксиомы. Их абсолютность в том, что они, будучи *правилами*, в принципе не могут быть «неправильными». Но зато их относительность в том, что мы всегда можем при желании заменить их на другие.

Поэтому и сам релятивизм не претендует на абсолютную истину. Он лишь отвечает на вопрос: как диалектики выигрывают споры, и почему верующим это, как правило, не удается?

Беда верующих не в том, что они *верят в абсолютные истины*, но в том, что *считают себя их обладателями*. Всякий несогласный с ними регулярно объявляется «дураком». Но вообразите ярость, в которую приходят эти люди, когда диалектика доказывает, что иногда они сами рассуждают так, как, по их словам, рассуждают «только дураки».

Например: один глубоко верующий христианин заявил, что *Бог никогда не оправдает мошенничества с целью личной выгоды, а кто думает иначе, тот или подлец, или дурак*.

Тогда мы заставили его открыть Ветхий Завет и прочесть историю о том, как праведник Яков обманом присвоил себе наследство, завещанное его брату Исаву [Быт. 27 : 5-40]. Не прошло минуты, как христианин от имени библейского Бога оправдал это мошенничество. И теперь осталось только выяснить, кто он сам после этого: *подлец или дурак?*

Вопрос 3. Моралисты спрашивают: как, мол, нам не стыдно искушать этих чистых, глубоко верующих людей, зная, что никто из них не избежит

нашей ловушки?! А если ее можно избежать, тогда почему мы так уверены, что подобный трюк у нас пройдет с любым противником?

Потому, что *наш противник*, по определению, тот, кто не пожелает с нами сообразовываться. А значит, нарушает принцип *всеобщности*, который является *условием последовательности*. И выявление противоречий в его речах – это лишь вопрос времени, причем недолгого.

При желании, однако, этого исхода и впрямь легко избежать, следуя данному принципу. Это значит, «Мыслить себя (в общении с людьми) на месте любого другого» [2, с. 1403], – считает И. Кант. И если нас опять спросят, как связать *релятивизм с нравственностью*, мы скажем, что связь их проходит именно через принцип *всеобщности*.

Этот принцип, известный как «золотое правило этики», предложен еще Конфуцием: «Это – снисходительность; чего сам не желаешь, того не делай другим» [9, с. 139], – учил он. Например, не считай дураком другого, если сам не хочешь остаться в дураках.

Поэтому диалектика не обещает *установить истину*. Она лишь выясняет: могут ли наши противники на деле думать то, в чем клянутся, и верят ли они сами в правильность того, что говорят? Когда они признают, что *сами в это не верят*, снимаются все идейные конфликты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гераклит. Фрагменты / Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. // Метафизические начала естествознания. – М., 1999.
3. Мальбранш Н. Разыскание истины / Н. Мальбранш. – СПб., 1999.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Фрейд, З. Будущее одной иллюзии / Ж.-П. Сартр, З. Фрейд // Сумерки богов. – М., 1990.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М., 1979.
6. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М., 1994.
7. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – СПб., 1995.
8. Рассел Б. Почему я не христианин / Б. Рассел. – М., 1987.
9. Конфуций. Суждения и беседы / Конфуций. – СПб., 2004.